Н.Л. Крылова

«Скандальная пара» (Несколько литературно-философских этюдов на заданную тему)

Эта статья задумана автором как своего рода антитеза общей идее сборника, посвященного гендерным стереотипам, ибо «смешанная» супружеская пара, несмотря на продолжительность своего существования в истории человечества, всегда или почти всегда становилась именно символом нарушения стереотипов, утвержденных в обществах. Что же до истории белой расы, то она носила своеобразную печать «первородного греха» – соединение белого человека с черным (чужаком, варваром, дикарем, колдуном или зверем – в зависимости от историко-культурной традиции конкретного социума). Результат таких браков – смешение кровей – грубо нарушал природный порядок, вынуждая доминирующую белую расу терять свое природное «превосходство». В преамбуле к своему эссе с многообещающим заголовком «Литературный мулат или переход к белому» французский исследователь Патрик Жерар называет брачный альянс (а, в контексте проводимых нами изысканий, скорее – мезальянс) израильского царя Соломона с дочерью египетского фараона «символом «начавшегося беспорядка» вещей, отклонения от общепринятых правил»[i]. Допуская, что подобная интродукция к труду создавалась автором в литературоведческой парадигме и имела целью придать прежде всего художественную образность доказательной части его исследования, подчеркнем, что именно это замечание сподвигло нас на обращение к иным – как более древним, так и более поздним, чем упомянутый выше, – сюжетам, ибо проблема «смешанной» пары волнует человечество еще со времен его ран-

него детства. Миграции, войны, географические открытия – все это неизбежно давало толчок к смешению народов, к образованию разнонациональных и разнорасовых брачных союзов, и шире – к явлению, получившему позже название «метисация» мира.

Изучать это своеобразное явление можно по-разному. Мы старались идти по пути комплексного анализа феномена «смешанного» брака, который, по нашему мнению, наиболее полно и всесторонне позволяет высветить образы мужчин и женщин, пытающихся через брачный союз соединить особенности культур этноса каждого из них в конкретных исторических условиях.

Авраам и Агарь: первая ветхозаветная «смешанная» пара

Мудрый мир Библии не избегал соприкосновения с этой темой, развивая ее практически с самого начала фиксируемой в ней истории человечества. Однако, обращаясь к этому древнейшему источнику, мы затронем значительно более древние пласты ветхозаветных сюжетов, нежели брачный союз еврея Соломона с египтянкой, случившийся лишь во Времена Царей (1100–589 годы до Р. Х.), поскольку именно там, в библейских анналах, мы обнаруживаем действительно первые (или если угодно, ранние) «символы» гендерных «беспорядков» такого рода, несомненно, давшие изначальные «метисные импульсы» брачно-семейного поведения у христианской части человечества. Да и как можно было избежать подобной тематики, коль скоро речь в ней шла в первую очередь о еврейском народе, этом «вечном страннике», неутомимо кочующем с места на место на севере Африки, вечно без крова и убежища, разбивающем свои палатки и шатры в обширных пустынях между Красным морем и Персидским заливом, между Евфратом и Палестиной. Символический смысл сюжетов метисности (как и все, что дошло до нас в библейской передаче в форме прекрасных мифов и легенд, причудливо сплетенных из исторических фактов, деталей и переданных в литературной форме) раскрывался в ощущениях, переживаниях и последующих действиях героев, муках самоидентификации и осознания собст-

венной чужеродности в мире своего избранника из другой культуры, другой религии, другой расы. И если эти ощущения могут показаться примитивными для современного (в том числе и атеистического) взгляда и слуха, не будем несправедливо обвинять древних в неумении адекватно воспринимать и отображать реальность или в желании исказить ее. Они, как замечают в своем исследовании известные итальянские библеисты Э. Гальбиати и А. Пьяцца, «воспринимали то же самое, что и мы, но изображали это по-своему. Для них прекрасное было именно таким, и никакого обмана тут не было …»[ii].

* * *

В своем исследовании мы опирались на историю семьи Авраама, изложенную в Книге Бытия. Это значимый и сюжетно чрезвычайно яркий период, который исчисляется в 645 лет (или, по другим подсчетам, в 430 лет – «*Времени же, в которое сыны Израилевы …обитали в Египте …, было четыреста лет». – Исх. 12:40)* и определяется в дохристианском библейском летоисчислении временем от Авраама до Исхода (по вопросу о дате Исхода существует предположение, что он состоялся между 1450 и 1230 годами до Р. Х.)[iii]. При этом в библейских текстах история патриархов отнюдь не идеализирована в нашем понимании; нередко с библейских страниц они предстают не в самом благоприятном, с точки зрения современных понятий о морали, свете – Авраам женится на единокровной сестре, а его внук Иаков – вообще на двух сестрах (позже в книге Левит будет объявлен запрет на подобные брачно-семейные связи) и т.п.

Данный отрезок времени интересует нас в этногендерном аспекте взаимоотношений героев этого религиозно-литературного памятника, поскольку непосредственными участницами библейской истории были женщины – матери, сестры, жены, дочери, рабыни, наложницы, блудницы, – сыгравшие (несмотря на весьма сложную систему социосемейных связей и взаимоотношений) свою роль в последовательном переходе еврейского народа от идолопоклонничества к единобожию.

Если о женщинах Библии сложены многочисленные поэтические и прозаические произведения, написаны книги и сняты фильмы, проведены научные исследования, подготовлены справочники и энциклопедии, то «частный» случай брачно-семейных отношений – появление этнически или расово «смешанной» пары, пока не стал предметом более или менее крупного исследования[iv], хотя историко-культурные и социоэтнические последствия подобных брачных союзов, бесспорно, значимы. Кто знает, как развивалась бы современная история ближневосточного конфликта, произведи Сарра на свет Исаака в отпущенный ей природой детородный срок, и не обратись она за помощью для продолжения славного библейского рода Авраама к египтянке Агари… А может быть, религиозные корни конфликта кроются в том, что сама Библия беспристрастно (насколько это возможно для данного жанра) рисует образ Сарры в неблагоприятном виде жестокой ревнивицы по отношению к Агари, которую защищает сам ангел Господень (*Быт. 16. 6–7; 21, 10–21)?*

Как бы то ни было, союз Авраама и Агари сегодня можно признать одним из первых опытов смешанного брака. Чтобы дать более или менее точное историко-антропологическое, а также правовое определение этому союзу, обратимся к ряду научных и литературных источников, и, прежде всего, к текстам самой Библии, анализируя и сопоставляя их в надежде получить возможно полную информацию по интересующей нас проблеме.

* * *

Книга Бытия, открывающая Пятикнижие, весьма обстоятельно повествует о семейной жизни Авраама: продолжительном и драматическом для его семьи бесплодии жены; появлении первенца от наложницы, трагедии изгнания ее и ребенка из дома Авраама; рождении долгожданного наследника от законной жены Сарры и его (Авраама) готовность принести сына в жертву Богу. Повествователь Пятикнижия дает портреты жен и наложниц Авраама и их сыновей. И все же матерью его первого сына Измаила была рабыня-египтянка Агарь. Кто эта женщина, и каким образом она

оказалась в семье Авраама, став «репродуктивно доверенной» его жены?

Из текстов Ветхого Завета (*Быт. 16:1, 3, 4, 8, 15, 16; 21:9, 14, 17; 25:12)* следует, что Сарра, жена Авраама, родоначальника еврейского народа, решила предложить ему в наложницы свою служанку Агарь, египтянку, полученную (как предполагает американская исследовательница Эдит Дин в своем труде «Знаменитые женщины Библии[v]) в дар от влюбленного в Сарру фараона. Подобное решение было в патриархальные времена явлением обычным. Агарь, любимая служанка Сарры, пользовалась, по-видимому, полным доверием своей госпожи. «*Вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рожать; войди же к служанке моей, я буду иметь детей от нее» (Быт. 16:2).*

Ребенок наложницы Авраама, как позже узнает Сарра, не был Обетованным Сыном Господа, хотя, согласно древнему обычаю, ребенок от союза господина со служанкой его жены (да еще к тому же если служанка рожает его на коленях своей хозяйки) должен считаться ребенком «официальной» жены. Этим актом Сарра определенно подняла Агарь от положения рабыни до статуса наложницы. Но последняя возгордилась своей способностью, в отличие от хозяйки, одарить наследником своего господина. Когда Сарра заявила Аврааму: «*Я отдала служанку мою в недро твое; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня; Господь пусть будет судьей между мною и между тобою» (Быт. 16:5),* Авраам, в лучших традициях патриархального семейного права древних евреев, ответил: «*Вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно» (Быт. 16:6).*

Однако если Измаил, сын Агари и Авраама, и не был Господним Сыном Обетованным, то все же Ангел Господень руководил действиями Агари. Когда она, притесняемая Саррой, бежала в пустыню, то «*Ангел Господень сказал ей: «возвратись к госпоже своей и покорись ей» (Быт. 16:9).*

На протяжении последующих 14 лет все участники этой библейской драмы в целом благополучно сосуществуют. В Библии нет упоминания о проявлениях вражды между этими двумя женщинами. Напротив, Сарра привязалась к Измаилу и даже, как мы

уже упоминали выше, долгое время считала его Сыном Обетованным. Когда Измаилу исполнилось 13 лет, Авраам совершил обрезание Измаила, то есть в контексте религиозном, заключил с Богом договор; в контексте этносоциальном, это означало уже в те ранние библейские времена интеграцию иноплеменника (не израильтянина) по матери в общество Завета с полными этническими и религиозными правами. Однако, не противясь этому ритуальному проявлению (с момента обрезания Измаил становится не просто частью семени Адама, мифического прародителя человечества, но частью божественно установленного семени Авраама, реализующего союз между ним, его потомками и Богом), Господь все же сказал Аврааму, что «*поставит свой Завет*» не с Измаилом, но с сыном, которого выносит его жена Сарра.

В 90 лет Сарра родила столетнему Аврааму Исаака (напомним, что по линии обетования все сыновья Авраама были исключены, кроме Исаака. Затем из двух сыновей Исаака был избран Иаков, Исав отвергнут. Процесс избрания закончился Иаковом, и все последующие наследники Иакова были включены в избранный народ)[vi].

Разница в возрасте Измаила и Исаака – 14 лет. Когда Измаилу было 17 лет, Сарра, мать трехлетнего Исаака, снова попросила Авраама об изгнании Агари и ее сына: «*Выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком» (Быт. 21:10).* Ее желание понятно: сводный брат физически силен, дерзок и груб, его мать – своевольна и завистлива[vii]. На это Бог сказал, между прочим, Аврааму: «*Не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее, ибо в Исааке наречется тебе семя» (Быт. 21:12).*

Авраам отослал прочь рабыню и ее сына, возложив ей на плечи лишь мех с водой и дав немного хлеба. Хотя формально Авраам должен был оказывать Агари защиту и покровительство, он и на сей раз поступил согласно патриархальному обычаю: так как Агарь совершила неблаговидный проступок перед его законной женой, она подлежала изгнанию.

Агарь была в отчаянии, покинув дом Авраама, «но ей суждено было обрести новую силу в Боге: Он простирает свою милость

даже над теми, кто поступает неправильно»[viii]. Он защитил Агарь, наполнив кувшин водой в критический для ее жизни момент, а ее сына – научив обращаться с луком.

Итак, Авраам – еврей, Агарь – египтянка. И они, определенно, представляют собой «смешанную пару»[ix].

Выше мы уже выяснили, опираясь на библейские тексты и некоторые исследования, что взаимоотношения между Саррой и Агарью на разных этапах их сосуществования внутри семьи Авраама складывались по-разному – от доверительной дружбы госпожи с любимой рабыней – через рационально продуманное соучастие последней в продолжении рода Авраама и совместную радость, связанную с рождением единственного пока на всех наследника этого рода – к ссорам и заносчивости Агари-матери в отношении Сарры, вначале бесплодной законной жены Авраама, затем матери законного наследника Исаака, Обетованного Сына, и, наконец, изгнанию соперницы Агари и ее сына из дома Авраамова. Как толкует этот «мезальянс» Писание?

В Послании к Галатам (*4; 23–31*), в отрывке, называемом «*Аллегорией Агари»,* дается конфессионально-правовое толкование взаимоотношений двух женщин, имевших детей от Авраама. В частности, «Аллегория» говорит, что свободная женщина (Сарра) родила сына по обетованию, а рабыня (Агарь), не являясь субъектом права, родила от плоти. С морально-этических позиций иудейского патриархального общества, а главное, с религиозной позиции – это важное, несомненно, позитивное для Сарры и ее потомства обстоятельство (тем более, что в то время многоженство у евреев было явлением обычным; было еще далеко до Моисеевых постановлений, в силу которых запрещалось сожитие с иноземными женщинами), что, впрочем, не перечеркивает реально состоявшейся брачно-семейной связи еврея с египтянкой, имевшей в итоге свое продолжение в лице Измаила. И подтверждается оно тем, что именно от Измаила пошло племя измаилитян, живших в Северной Аравии (и именно отсюда берут начало арабо-мусульманские корни*)*.

Любопытно, что, описывая в «Иудейских древностях» эпизод с повелением Господа Бога Аврааму ждать от Сарры наследника,

Иосиф Флавий обращает внимание на то, что «при этом Господь присовокупил, что Он желает, чтобы имеющее произойти от него (Авраама – Н.К.) племя не смешивалось с другими народами»[x]. И еще одно замечание в связи с божественными приоритетами: когда цитируется библейская история первого – дородового – ухода Агари с земли и из семьи Авраама, она обычно завершается фрагментом божественного обещания об умножении ее потомства, «*так что нельзя будет и счесть его от множества»,* а также предсказанием Господа Бога о рождении Агарью сына «*и наречешь ему имя Измаил, ибо услышал Господь страдание твое» (Быт. 16:11, 16:12),* что с почти одинаковым энтузиазмом обычно цитируется как в иудейской, так и в мусульманской литературе.

Уже в 17-летнем возрасте Измаил с Агарью покинули дом Авраама по его приказу и удалились в пустыню. Когда вода закончилась, Агарь оставила сына под кустом и отошла в сторону, чтобы не видеть смерти Измаила. Затем она стала плакать и причитать. Когда Бог услышал и плач Измаила, Он повелел Агари ничего не бояться, встать и поднять Измаила, ибо Он хотел, чтобы Измаил породил великий народ. Тогда Агарь открыла глаза, увидела перед собой колодец и напоила сына[xi].

В дальнейшем с именем Агари связано много легенд. По одной из них – после смерти Сарры Авраам взял Агарь в жены (хотя ветхозаветное имя последней жены Авраама – Хеттура, что значит – «отделение»). По другим – уже в связи с мусульманской Меккой, священным колодцем Зем-Зем и священным камнем Каабой, считается, что здесь, под «краеугольным» камнем, находится оригинал Корана, записанный Мухаммедом. Согласно легенде, именно из этого колодца напились Агарь и Измаил.

Мусульмане считают, что Мухаммед принадлежит к потомству Измаила. Таким образом, и ислам, одна из мировых религий, тесно связана с именем библейской Агари.

В Словаре А. Павловского[xii] в разделе «Агарь» также находим предположение, что родом Агарь, по-видимому, из Египта. А. Павловский, правда, пишет, что о подробностях ее появления у Ав-

раама ничего не известно; возможно, она отстала от каравана, шедшего в Египет, или была продана купцами.

С другой стороны, вся сюжетная канва жизни и предназначения Агари по Ветхому Завету структурирована с очевидным «египетским подтекстом»: она – родом из Египта; ориентация ее в экстремальных жизненных ситуациях (во время обоих изгнаний и путешествий по пустыне) – на Египет; возвращается она с сыном на историческую родину; жену для сына выбирает из своих соотечественниц. Наконец, сам Господь Бог как бы наделяет ее и ее сына значимостью первоносителей новой мировой религии для народов, теперь исповедующих не христианскую, но монотеистическую религию.

Практически все исследователи отмечают красоту этой женщины и одновременно своевольный, капризный, вздорный характер. Изгнанная – вторично – в пустыню с 17-летним Измаилом, Агарь, скорее всего, по наитию, двигалась в сторону Египта, своей родины, но вскоре, томимая жаждой, лишилась сил. Вот тут-то Ангел ей указал источник.

Измаил вырос в пустыне Фаран. Последнее, что сказано о нем в Библии, – что «*мать его взяла ему жену из земли египетской» (Быт. 21:21).* Известно, что пустыня Фаран, куда, предположительно, ушла с сыном Агарь, находилась близко от Египта. Там вскоре Измаил и женился на египтянке. По Библии, именно от него пошли и умножились *агаряне* – нынешние арабы – и некоторые другие мусульманские народы.

Мы коснулись лишь одного библейского сюжета. За его рамками остались иные случаи брачной метисации – например, сын Иакова (Израиля) Иосиф и его жена, дочь гелиополитанского жреца, египтянка Асенеф и их дети, Манассия и Ефрем (Ефраим), принятые по повелению деда в его семью полноценными членами и наследниками земли Хананейской (причем Ефраим первым получил благословение отца Иосифа, Иакова, предрекающее именно ему будущее многочисленное потомство, – многолюдный народ от семени Ефрема). Или легендарный еврей Моисей и его жена, «ефиоплянка» Сепфора. Или израильский царь Соломон, его первая жена, дочь фараона, Наама (или аммонитянка Наама,

она же – Астис в «Суламифи» А.И. Куприна[xiii], чье имя появляется в Книге Царств лишь в связи с деяниями их общего сына-наследника *(3 Цар. 14:31),* дабы подчеркнуть важность ее роли как матери царя), а их сын-метис Ровоам (Рахавам), по закону унаследовал израильский престол после смерти автора «*Песни Песней*». Или ветхозаветная Руфь, «*женщина с полей Моавитских» (Руфь 1:3),* чужестранка из племени, с которым древние евреи постоянно враждовали, ставшая женой израильтянина Вооза, положив этим браком начало славному роду Давида *(Матф. 1:5);* женщина, которую евреи, в конце концов, признали идеальной невесткой, женой и матерью. Или Эсфирь (она же Гадасса), принадлежавшая к одному из лучших иудейских семей колена Вениаминова, спасительница еврейского народа от угрозы поголовного истребления в Сузах, и одновременно жена персидского царя Артаксеркса, «*правящего землями от пределов Индии до границ Эфиопии*» *(Есф. 1.1*)[xiv].

Удовлетворив в какой-то мере исследовательскую любознательность об одной из первых библейских межэтнических смешанных брачных пар, мы одновременно соприкоснулись с тем, что близкие нам сегодня сюжеты метисности, так или иначе, занимают свое место уже в одном из древнейших литературно-религиозных памятников человеческой мудрости, играя в истории свою роль и тем самым подчеркивая естественность этих опытов в общественной практике, к чему бы они ни приводили его участников – к вечно искомому земному, но столь редко реализуемому счастью или к неоднократно в истории человечества повторяемому краху «союза двух миров».

Два «разноцветных мезальянса» в христианской Европе

Мировая коллекция письменных источников, начиная с Библии, представляет собой уникальное собрание свидетельств о чрезвычайном многообразии, пестроте и многоликости человеческого сообщества. Однако, строго говоря, ни в одном из обществ, кроме западного (читай – христианского), цвет кожи, раса не становятся

условием запрета или барьером для брака. Даже в лоне исламского общества, к которому принадлежат народы с различным цветом кожи, эта расово-этническая пестрота не порождает никакой специфической дискриминации. Не вызывает сомнения, что расовый барьер возник именно на христианском Западе, и, укрепившись в рамках европейской колониалистской практики, отличался огромным разнообразием форм и частных проявлений.

* * *

Свою, прежде всего этноконфессиональную специфику имело проникновение «черного» элемента в Англию. Историко-политически обоснованное обилие информации о Востоке, Африке и Америке вызывало у англичан определенный дискомфорт. В тот момент, пишет французский исследователь Ришар Мариенстрас, когда над ними, зрелыми протестантами, еще висит угроза католичества, Англия вдруг узнает о том огромном разнообразии религий и религиозных обычаев, которые царят в мире, и это не только ее настораживает, но и приводит порой в отчаянье, потому что задача обращения в божественную веру язычников, то есть выполнение своего долга перед Богом, представляется теперь весьма проблематичной. А это порождает беспокойство, даже сомнение, что влечет за собой рост недоверия и неблагожелательности в отношении к чужестранцам, что, в свою очередь, порождает усиление подозрительности. Протестантской Англии кажется, что христианство оказалось в ловушке, на которую давят со всех сторон другие религии, антагонистичные, или же, попросту, язычники[15]. Таким образом, где-то на границе христианского мира (пусть и очень далеко), но чужестранец предстает воображению англичан во всем своем неприемлемом обличье. Он – воплощение иного мира, и символически представляет реальную или скрытую угрозу.

В классификационной модели сэра Эдварда Кука очевидна традиция общего права Королевства, хотя ориентация на средневековые воззрения тоже прослеживается весьма отчетливо: среди чужестранцев есть «друзья», «временные враги», «враги по обстоятельствам» и «враги постоянные». Абсолютный антагонизм

вызывали «постоянные», «вечные» враги; их Кук относил к «безбожникам», «демонам». Но доминирующая идеология располагала теперь этих последних на далеких рубежах христианского мира и связывала воедино, уподобляя волнения своих подданных, недовольных существующими порядками, нашествию чужеземцев, которые также пытаются «ослабить государство» своими «нечистыми» замыслами. Таким образом, было установлено равенство в отношении к врагу внутреннему и врагу дальнему[16].

«Отелло» Уильяма Шекспира[17] – пьеса, в которой автор соединил нравственно совершенных представителей двух человеческих пород; два персонажа, которыми восхищаются, или которых ревнуют другие, мужчину и женщину, которые превосходят свое окружение и, для своей эпохи, служат воплощением этической мечты и аристократизма. Каждый из них – достойная половина другого; каждый совершенствовался в любви к другому, и эта любовь стала императивом их существования, законом, заставившим их презреть обычаи, нравы своего общества.

Но это еще и трагедия, в которой благородный и сильный человек был заклеймен общественным мнением как «колдун и зверь» только потому, что он был чужаком, а значит, представлял опасность для общества.

Не останавливаясь подробно на общеизвестном содержании пьесы, попробуем проанализировать ее в интересующем нас контексте.

Прежде всего, небесспорен вопрос об этнической принадлежности Отелло. Английское *moor*, первоначально обозначавшее жителей Мавритании, позже стало применяться ко всему коренному населению северных областей Африки – арабам, берберам, неграм. У Шекспира Отелло – *thicklips («Толстогубый черт»)*, т.е., скорее всего, негроидного происхождения. Нужно, правда, заметить, что во времена Шекспира не делали расовых различий между этими племенами, объединяя их в общем представлении о темнокожих африканцах[18].

Дездемона полюбила Отелло, поняв и приняв его натуру. Их чувство, соединенное не родительской волей, не каким-либо расчетом, не колдовской ворожбой Мавра, основано на глубоком

взаимном понимании, полном приятии одного существа другим как высшей форме человеческой любви и воплощено в ответе Отелло: «*Я ей своим бесстрашьем полюбился, она же мне – сочувствием своим*»[19]. Брабанцио, отец Дездемоны (а вместе с ним и другие достопочтенные граждане), видят в этом союзе настоящую катастрофу, общественное бедствие. То, что совершил Отелло, похоже на захват крепости врагом, нашествие на христианскую землю полчищ «неверных». Более того, то, что Дездемона уступила «речам» Отелло, является противоречащим «природе» и обычаю. Идя против обычаев, принятых в обществе, Дездемона идет против самой природы.

Другая, не менее важная тема дискурса об Отелло, – его «дьявольская», «бесовская» сущность, проистекающая все из того же его происхождения из варварской страны, а место обитания «варваров», как известно, – излюбленное место Сатаны… Экстерриториальность Отелло, его явление «извне» имеет, таким образом, природные, культурные и теологические причины и следствия. И хотя главного героя пьесы называют «*Мавром»,* «*Его мавританским высочеством»,* «*Храбрым мавром»,* «*Отелло доблестным»,* для отца Дездемоны (который так никогда и не назовет Отелло по имени) он навсегда останется «*этим Мавром»*. Это название отсылает к этнической принадлежности, и это указание на происхождение вовсе не нейтрально. Мавр, если следовать литературе той и более ранних эпох, был созданием «необычайным», наделенным необыкновенной и злой силой[20]. Р. Мариенстрас в своем исследовании напоминает также, что в королевском эдикте 1601 г. предписывалась высылка из Англии всех чернокожих (Negroes and Blaekammoors) и даже предусматривались меры воздействия на тех собственников чернокожих, которые отказывались подчиняться приказу. Основанием служило то, что «чернокожие» были «неверными», не имели никакого понятия о Христе и его Евангелии. Для сенатора Брабанцио такого рода образ исторически говорит сам за себя и прекрасно вяжется с образом соблазнителя и похитителя. Но созданный в его монологах портрет Мавра еще и полностью соответствует тому, который нарисовал в своем, уже упомянутом выше, юридическом тексте сэр Эдвард Кук: чужестра-

нец социально абсолютно уязвим; он не имеет никаких общественных связей; у него есть только права рабов и язычников (т.е. никаких прав). Он связан больше с животным, а не с человеческим миром, хотя его и нельзя отнести к разряду животных, потому что у него – человеческие формы[21].

Что же касается Яго, то для него, называвшего Отелло «*разбойником», «вором»,* поступок Отелло – брак с Дездемоной, равносилен покушению на покой и достоинство частного дома: «*Простите, господин, но вас ограбили… Сию минуту черный злой баран бесчестит вашу белую овечку…».* При этом первое сравнение, разумеется, подразумевает добродетель, а второе связано с качеством негативным и порочным. Анималистские метафоры, продолженные тем же героем, распространяют зло и на последующие поколения геральдического древа благородного венецианца: «*… Значит, вам хочется, чтоб у вашей дочери был роман с арабским жеребцом, чтобы ваши внуки ржали и у вас были рысаки в роду и связи с иноходцами?».* В этой угрозе Яго Брабанцио содержится указание на то, что Мавр настолько же далек от венецианца, насколько человек – от животного[22]. Брабанцио не может смириться с «*изменой его крови»:* это, в его глазах, истинная измена, ибо она происходит не в силу каких-то магических, колдовских причин, но по свободному изъявлению его дочери. Значит, и сама воля «денатурирована», изменила своей «природе» (напомним, что брак без согласия родителей не был полностью принят в ту эпоху).

Дездемона выбрала себе в супруги человека из далеких неведомых краев, того, кто «*не из страны ее, не ее расы, не ее обычаев, не ее ранга».* Объясняя удивленным согражданам, как она могла полюбить темнокожего, Дездемона отвечает: «*Для меня краса Отелло – в подвигах Отелло».* Однако общественное мнение в лице первых венецианских граждан непреклонно: Отелло должен понять, что он – всего лишь объект «*желаний извращенных»* юной венецианки, спровоцированных самим его необычным видом, экзотической внешностью (позже психологи назовут это состояние «романтическим инфантилизмом», который, кстати, требует от женщины разных обществ и эпох, избирающей по-

добный жизненный путь, далеко не инфантильных социальных реакций и проявления большого гражданского мужества)[23]. Отелло был принят в это сообщество лишь по соображениям политической стратегии, и только в той мере, в какой его функция в обществе необходима. (Мы находим близкую аналогию с судьбой другого чужеземца, воспетого А.С. Пушкиным: Ибрагима – «Арапа Петра Великого», отличившегося в испанской войне и радушно принятого во французском высшем свете, высокорожденного скитальца, почти собственность русского самодержца XVIII века). Иначе говоря, у чужестранца, чужака нет собственного места ни в общественной иерархии, ни в масштабе принятых здесь ценностей и установок.

Итак, Отелло, этот «звероподобный дикарь» и благородный герой в одном лице, любит Дездемону «*абсолютной любовью*», похожей на ту, которую человек обычно питает к Богу. Но бесконечная любовь, обращенная к человеку, существу несовершенному, конечному, смертному, – опасна. С этим тесно сопряжен и характер его ревности: это не уязвленное чувство чести, но и не гнев мужа-собственника, на права которого посягнули. Это чувство величайшей обиды, нанесенной абсолютной правдивости и доверию, соединявшему обоих героев. Ревность Отелло в моральном отношении того же порядка, что и любовь. Говоря словами А.С. Пушкина, «Отелло от природы не ревнив – напротив: он доверчив»[24].

Трагедия Отелло – это, прежде всего, трагедия доверчивого титана, который вместе с доверием к любимой женщине утрачивает веру в человека, в возможность правды на земле. Но это одновременно и трагедия Мавра Отелло и ему подобных личностей, которых доминантная религиозная идеология эпохи рассматривала вне закона, видела в них существа, чья близость представляла риск ниспровержения или разрушения привычных общественных ценностей, особенно на атомарном уровне социума – в брачном союзе.

* * *

Французские антропологи, готовя материалы для коллоквиума, посвященного проблеме «запрещенного брака», отмечали, что одной из первых и главных задач научного изучения «расизма» должна стать разработка различных уровней и форм дискриминации. И естественно, что гендерные отношения здесь положены в основу, поскольку именно эта проблема – «одно из самых грязных пятен расизма»[25].

Колониализм в его гендерном прочтении – это, без сомнения, мужская экспансия. Обратимся к истории колониального общества, кстати, весьма подробно освещавшей вопросы «черно-белого» смешения в самых различных ракурсах и жанрах – научном (антропологическом, юридическом), публицистическом, художественно-поэтическом[26].

Когда мы говорим о расово-смешанном союзе в европейской (в частности, во французской) традиции, то первая, возникающая в обыденном сознании ассоциация, – это общественный скандал и одновременно тяжкий грех, совершаемый белым жителем метрополии, вступающим в связь с аборигеном, человеком второго сорта, сервентом, рабом; чувства же последнего к белой женщине рассматривались как неслыханная и беспримерная для колоний отчаянная дерзость[27]. Так или иначе, подобный поступок свидетельствовал о том, что происходит дерзкое посягательство на правила «дистанционной иерархии». Скандальность такого явления, как «запрещенная пара», была вполне объяснимой в рамках общества, где установленный порядок предписывает каждому свое место, строго определяемое иерархией общественных отношений, связей и союзов, разного рода установлениями, запретами и разрешениями. Колониальные предписания формально не запрещали браки между белыми и черными, однако «по причинам неудобства» они были редки, и причины крылись не только в «разности цвета кожи», но главным образом в разнице общественного положения: белые были свободными, а черные – рабами. И если черный цвет потомства во втором поколении в таких браках уже «светлел», то свобода обреталась только в результате за-

конного брака черной женщины и белого мужчины[28]. Таким образом, статус чернокожего населения колоний был закреплен законом и не столько зависел от цвета кожи или смешения кровей, сколько просто ранжировал «смешанные» браки на союз белого мужчины с черной женщиной-рабыней, союз черного раба с белой женщиной или союз черного раба со своей «свободной» хозяйкой. Иными словами, свобода обреталась гораздо труднее, чем терялся черный цвет кожи, и политика метрополий была в этом плане более осмотрительной, нежели природа.

Тот же, кто отрицал этот установленный порядок вещей, становился вне расовых принципов разделения человечества, а, следовательно, «вне закона». И никто не мог, не смел что-то менять, разве что пытался ниспровергнуть этот порядок, эту символику строго кодифицированных общественных дистанций, как это попытался сделать главный герой малоизвестного широкой публике романа Александра Дюма-отца «Жорж», написанного в 1843 г.

Действие романа происходит на Маврикии, когда-то бывшей французской колонии. Герой Жорж – мулат, сын мулатов. Его отец – богатый плантатор, рабовладелец, не любит «цветных». Оба его сына, Жак и Жорж, учились во Франции. Но это – единственное, что делает их похожими. Жак (старший из сыновей), продолжая традицию семьи, становится торговцем неграми. Младший, Жорж, любимец парижского и лондонского света, покроет себя воинской славой на Аравийском полуострове и в битве при Трокадеро. Он возвращается к себе на родину, исполненный самых благородных и героических намерений «раз и навсегда покончить с предрассудками, которые ни один цветной до сих пор не мог уничтожить». Дома, на Маврикии, он знакомится с Сарой, племянницей колониста Мальмеди и невестой его сына Анри. Жорж влюбляется в Сару, но все его попытки (даже спасение ее от смерти) получить руку любимой, остаются бесплодными. Тогда отчаявшийся Жорж публично оскорбляет ее жениха. Обуреваемый ненавистью к белым, персонифицированной в образе счастливого соперника, Жорж возглавляет восстание рабов. Разоблаченный и выданный властям, он, тем не менее, отказывается от бесчестного торга: ему предлагают взять в жены Сару, а

взамен предать восстание рабов, усмирить их и восстановить, таким образом, прежний «порядок». Волнения продолжают шириться, восстание вспыхивает и … бесславно гаснет, утопленное в реках алкоголя. Жоржу удается бежать, его ловят и суд приговаривает его к смерти. Утром того дня, когда Жорж должен быть казнен, Сара решает выйти за него замуж. Освобожденный с помощью своих близких, он бежит вместе с ней в другую страну, туда, где небеса благоволят «цветным»…Такова сюжетная канва этого романа.

История колониального общества на Антильских островах и на островах Индийского океана, где развертывается действие романа, знает примеры, когда незаконнорожденные дети от связей плантаторов и их рабынь, признанные отцами, получали от них значительное наследство. Это не было в порядке вещей, но случалось достаточно часто. И известный пример того – генерал А. Дюма (отец писателя), который был сыном маркиза де ля Пайетери и мулатки Луизы Дюма. В романе есть автобиографическая проекция: отец героя романа был незаконнорожденным сыном, получившим, как и отец автора, такое же наследство.

Во Франции XIX века царила паника перед угрозой ниспровержения общепринятых социально-юридических барьеров и установления равенства, снятия «дифференциации»[29]. Отвлечемся немного и заметим, что это помогает понять, почему «смешанный брак», в своем последовательном повторении приводящий к «размыванию» расовых признаков и способствующий таким образом разрушению расовых барьеров, вызывал такое неприятие, сеял столько нелепых подозрений и порождал всякого рода бредовые теории[30]. А для ортодоксального расиста «смешанный брак» вообще был синонимом хаоса и «беспорядка вещей», посягательством на превосходство белой расы.

Белый – Мулат (метис) – Черный. Такая социальная иерархия была отражена в юридических документах и постулатах общества того времени, определяя статус этих людей[31]. Белый был создан, чтобы командовать и владеть. Он был единственным человеком, располагающим полнотой прав, которые давались представителям рода человеческого. Черный был предназначен послу-

шанию и работе. И те меры предосторожности, которые соблюдались в отношении него, были похожи на правила обращения с машинами или животными. Мулат занимал некое срединное место (столетием позже американский ученый Э. Стоунквист назовет его «The marginal man», подразумевая под этим индивидов, находящихся на границе двух различных, конфликтующих между собой жизненных укладов, культур, рас)[32]. Такой человек мог владеть определенной собственностью и даже занимать достойное положение в обществе, но не мог претендовать на всю полноту тех социальных привилегий и позиций, которыми обладали только белые люди. Его гражданские права определялись принадлежностью к другой общественной группе – черных. Социальная дистанция, таким образом, была соблюдена, и опасность, которую представлял для колониального общества «смешанный брак» и его «производные», относительно нивелировалась. Они заняли свое собственное место в социальной иерархии, сохранив «порядок вещей», принятый всеми представителями общества. Обязательные элементы «идеального» образа Мулата – стыдливость, скромность, понимание своего места в обществе. Он полностью мирится со своей участью и подчиняется принципам и правилам этой дистанцирующей иерархии, царящей в колониальном обществе.

В привилегии белых хозяев входило право спать с черными женщинами. Это даже трудно назвать привилегией; скорее, это просто было нормой, обычным элементом образа жизни представителя метрополии в колонии. Все другие формы межэтнических союзов или браков были строжайше запрещены. Это правило осталось в силе и для героя Дюма, образованного и благородного романтика с внешностью белого человека, вознамерившегося возглавить восстание черного народа против колонизаторов, отказавших ему в праве жениться на креолке высокого ранга, которую он любил.

Главный герой Жорж на самом деле действует и ведет себя то как «белый», то как негр, демонстрируя как достоинства, так и пороки той и другой расы, отрицательные и положительные качества. Это происходит, как точно заметил в своем исследовании

П. Жирар, в постоянном «балансировании» Жоржа между «черным» и «белым», между двумя составными частями своей натуры. Один его лик – неприятный, отрицательный: восстание, на которое его толкала собственная «метисность», было нарушением «дистанционной иерархии», регулирующей отношения между людьми. Другой образ – позитивный: это портрет молодого человека с твердым характером, способным действовать решительно и смело.

Основная задача автора – создание такого образа «смешанного» индивида, в котором его африканская составляющая обретает второстепенный характер и успешно вытесняется чертами, обусловленными «белой» частью его крови. Этот «переход к белому» в герое, как считают исследователи, отражает автобиографическую проекцию самого Дюма, считавшего себя европейцем, хотя этого мнения не разделяли оппоненты[33].

С другой стороны, для Дюма частичное присутствие в белом человеке «черной крови» вовсе не означало дегенерации человеческого типа[34]. Автор, отказываясь от модной тогда «научной» точки зрения на проблему опасности или бесплодности смешения рас, скорее, поддерживает тезис о том, что «белая кровь» способна «исправить» человеческий тип, что унаследованные вместе с ней качества помогут «искупить» то, что принесла с собой человеку часть «черной крови», текущей в его жилах. Этот весьма своеобразный «антирасизм» Дюма, конечно, выражен достаточно наивно и ограниченно, путем окольным – через интеграцию его героя-мулата в мир белого человека.

Исследователи творчества А. Дюма нередко задаются вопросом: является ли «Жорж» романом концептуальным? Видимо, – да, поскольку его сюжет, основанный на любви двух людей, принадлежащих к разным расам, с этой точки зрения, является весьма показательным. И это произведение Дюма совершенно соответствует духу времени, когда на разных уровнях и разными способами расизм начинал обретать авторитет догмы, провозглашенной Дизраэли: «All is race, there is no other truth»[35].

Наследник литературной традиции создания героев «скандальной пары», Дюма, однако, идет дальше своих предшествен-

ников, делая героя не негром, но мулатом. До него образ мулата в мировой литературе либо отсутствовал, либо играл второстепенную и даже незначительную роль[36]. И в этом плане А. Дюма можно назвать новатором; вернее, он занял свое, особое место в ряду тех, кто затрагивал в своем творчестве эту проблему.

«Le Nègre du czar» или первые африканские мужья россиянок

Мы уже упоминали Абрама Петровича Ганнибала, воспитанника Петра Великого, прадеда А.С. Пушкина по материнской линии, лицо историческое, первого африканца, ставшего главным героем классического произведения русской литературы.

Несколько слов о прообразе пушкинского героя. Фигура эта в российской истории XVIII столетия замечательная и одновременно загадочная[37]; неясность многих страниц его жизни привела к существенным расхождениям биографов, пытавшихся охарактеризовать А.П. Ганнибала, тем более что до нашего времени не дошел важнейший источник – его биографические записки.

Сложным представляется вопрос об этническом происхождении Абрама Петровича, хотя бы из-за множества путаных, неточных определений, присваиваемых ему современниками, потомками и исследователями из-за цвета его кожи и «арапской», «африканской», «негритянской», «эфиопской» (абиссинской) крови[38]. В связи с этим наиболее убедительным представляется замечание И. Фейнберга о том, что доселе, строго говоря, так и неизвестно, каково было этническое происхождение Абрама Петровича Ганнибала[39]. Правда, большинство исследователей все же склоняются к тому, что он был абиссинцем[40]. Тем не менее, сегодня можно сказать, что у нас есть представление о том, как выглядел А.П. Ганнибал, потому что сам А.С. Пушкин был настолько уверен в своем особом сходстве с африканским прадедом, что, рисуя его воображаемый портрет, он придал ему свой профиль[41].

Не углубляясь в сложные и неоднозначные социально-нравственные конструкции русского общества конца XVII – начала XVIII века, лишь соприкасающиеся с темой нашего иссле-

дования, заметим: и хорошо известные факты, и архивные данные неопровержимо свидетельствуют, что Абрам Петрович абсолютно «вписывался в эпоху», полностью соответствуя образу слуги и друга царя, подчиняясь воле и власти, олицетворяемой Петром Великим. Чуткий, безотказный мальчик-слуга русского царя, при котором последний думал вслух и который мужественно перенес невзгоды обучения во Франции, стал образованным инженером, автором двухтомного учебника геометрии и фортификации, офицером Преображенского полка. Вместе с тем, он был мужем-тираном и жестоким помещиком, от которого во множестве бежали крестьяне. Таков социальный портрет Абрама Петровича Ганнибала, с которого гениальный поэтический преобразователь и прямой потомок списал литературный образ «Арапа Петра Великого».

Что же касается частной жизни последнего, то многое в характере Ганнибала все же определялось особенностями его внешности, его страстно-импульсивным темпераментом, и это неизбежно вызывало враждебное отношение к нему окружающих, особенно после смерти его царственного покровителя. Причину этой враждебности Абрам Петрович сознавал и сам писал о том, что она прошла «грубой бороздой» по всей его жизни. Мы уже говорили выше, что советская литературная критика весьма «щадяще» относилась к вопросам расовой дискриминации в отношении героев мировой литературы. Не избежал этого и прообраз главного героя романа А.С. Пушкина. Отмечали в основном необычайность судьбы и трудный его характер. Первым, кто попытался объяснить сложный характер Абрама Петровича Ганнибала его расовой трагедией, был Д.Д. Благой, ссылаясь при этом на эпистолярное наследие Ганнибала, в частности на одно из его писем к А.Д. Меншикову, где он объясняет плохое к нему отношение окружающих чиновников своей «чернотой», «негодным уродством»[42].

Перед отъездом в «полудикую Россию» в прощальном письме Ибрагима графине Д. он пишет о своей бедственной судьбе «негра, жалкого творения, едва удостоенного названия человека», а в словах «не имею ни отечества, ни ближних. Еду в печальную

Россию...»[43], мы слышим лейтмотив одиночества чужака в иной культуре.

В «полудикой» России Ибрагим, как и в Париже, также оказывается в эпицентре общественного интереса света. Однако свет здесь иной, нежели в Париже. Интерес к нему был вызван, скорее, не цветом кожи, а тем обстоятельством, что был он любимцем царя. «*Придворные окружили Ибрагима, всякий по-своему старался обласкать нового любимца».* Примечательно в связи с этим, что ни Отелло, ни Ибрагиму не присуща манифестация своего знатного и благородного происхождения, принадлежности к царской крови. Оба это если не скрывали, то и не декларировали. Первый – поскольку был убежден, что тщеславное прославление своих качеств от рождения не обязательно способствует почитанию человека. И только подвиги, совершенные человеком в течение его жизни, – единственное, что должно принимать к сведению, когда необходимо воздать ему почести, и только тогда, по справедливости, человек может гордиться величием своей судьбы. Второй (возможно, и разделяя взгляды Отелло) – потому что еще в «полудикой» петровской России значительно важнее было быть царским фаворитом, а уж потом и заморским царевичем.

Этот же специфический социально-психологический статус Ибрагима ложится в основу его матримониальных намерений, точнее, согласия с дальновидными и трезвыми, прежде всего, соображениями своего царственного благодетеля-свата: «*Послушай, Ибрагим, ты человек одинокий, без роду и племени, чужой для всех, кроме одного меня. Умри я сегодня, завтра что с тобою будет, бедный мой арап? Надобно тебе пристроиться, пока есть еще время; найти опору в новых связях, вступить в союз с русским боярством».* Сам Ибрагим, тяжело переживавший быструю измену легкомысленной графини D., «*отказавшись навек от милых заблуждений»*, также прежде всего рационален в своем брачном выборе: «*Государь прав: мне должно обеспечить будущую судьбу мою. Свадьба с молодою Ржевскою присоединит меня к гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцем в новом моем отечестве»*. Что же до собственно чувств, то его намерения абстрактны, матримониально индифферентны:

«*От жены я не стану требовать любви, буду довольствоваться ее верностию, а дружбу приобрету постоянной нежностию, доверенностию и снисхождением*».

Но что же думское боярство? Прежде всего, оно, как и русское общество в целом, не было искушено подобной экзотикой[44]. Что же касается проблемы взаимоотношения с иностранцами вообще, то, не вдаваясь глубоко в природу этого явления, следует, тем не менее, отметить его противоречивость, не первое столетие обнаруживающую себя в устойчивых сочетаниях вроде бы противостоящих друг другу и даже взаимоисключающих суждений и действий, где неприязнь, подозрительность, даже брезгливость в отношении них (коренной русский боярин вообще «*не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту сохранить обычаи любезной ему старины*») всегда сочеталась (да и поныне продолжает сочетаться) у русских с каким-то девственным, почти оскорбительным в своей наивности любопытством и одновременно великодушием, самоотверженностью и безусловной приверженностью сложившимся отношениям[45].

Строго говоря, общение с «*черным Абрамом», «Аврамом-арапом»* не носило в России, не искушенной «заморским» колониализмом, ни законодательных, ни нравственных ограничений. Они попросту исторически не сложились. Была одна забава, одно любопытство. И еще вящий страх перед «чернотой»…

Первая жена пушкинского пращура, Евдокия Андреевна Ганнибал, вышла за него замуж не по своей воле, отвергая его и враждебно к нему относясь, поскольку «арап и не нашей породы». Известно также, что, будучи женщиной не самых строгих правил, она была ему неверна, как человеку нелюбимому, инородному, чуждому. Но и Ганнибал был необыкновенно жесток с ней, даже применял настоящие пытки[46]. Тем не менее, вновь подчеркнем, что сводить подобную жестокость к чертам, присущим чисто африканскому темпераменту, было бы неверно. Во-первых, такое поведение мужчины – главы семьи было совершенно в духе времени (сам Петр, как известно, отнюдь не гуманнее вел себя с первой женой). Девушка боярского сословия, упрятанная в светелку, воспитываемая, в соответствии с многовековой традицией «*лю-*

безной старины», то есть, окруженная сенными девками, подружками, мамушками, не знавшая грамоты и вышивавшая золотом, нередко становилась заложницей родословных, имущественных и иных интересов отца, единовластно выбиравшего ей суженого *(“Решено: она выйдет за арапа»).* Даже открывшиеся россиянке волею Петра перспективы обязательной европейской «бытовой эмансипации» *(«Ох, уж эти ассамблеи! Наказал нас ими Господь за прегрешения наши»)* не обеспечивали ей свободы матримониального выбора. Во-вторых, такая причина, как неверность, могла в бесправной доле замужней женщины иметь далеко идущие последствия, в которых пóстриг и последующая монастырская жизнь – не самое худшее наказание.

Весьма возможно, этот момент жизни реального лица (правда, сильно романтизированный) лег в основу недописанного Пушкиным «российского» периода жизни Ибрагима. Вспомним, у юной Натальи Кирилловны уже был избранник сердца (“стрелецкий сирота» Валериан, воспитанник дома Ржевских); на решение отца выдать ее замуж за царского арапа она отреагировала единственно возможным для романтической девушки из «хорошей» русской семьи XVIII века – глубоким обмороком, едва не закончившимся нервной горячкой.

На приведенных выше примерах легко можно убедиться, что своеобразие расово-смешанного брачного союза не проходит бесследно для ближайшего кровнородственного окружения, по чьей бы инициативе ни происходил такой брак. В большинстве случаев требуется время, чтобы к этому событию приспособились, привыкли в принимающей чужака семье. Такая адаптация может выражаться в различных формах, в том числе в конфликтных. Почти стандартна в этом плане эволюция реакций родных и челяди на известие, а потом и на окончательное решение о сватовстве Натальи Кирилловны арапом Ибрагимом. Шок, пережитый родными от царского предложения, теткой Наташи: «*Батюшка-братец, не погуби ты своего родимого дитяти, не дай ты Наташеньки в когти черному диаволу»;* его тестя: «*Как, Наташу, внучку мою, выдать за купленного арапа»!)*, постепенно преобразуется в древнюю компромиссную русскую брачную

формулу «стерпится – слюбится», расшифрованную теткой Наташи, Татьяной Афанасьевной: «*жаль, что арап, а лучшего жениха грех нам и желать»* и завершаемую почти оптимистическим для того времени комментарием Наташиной любимицы, карлицы Ласточки: «*Если уж быть тебе за арапом, то все же будешь на своей воле. Нынче не то, что в старину: мужья жен запирают: арап, слышно, богат; дом у вас будет как полная чаша, заживешь припеваючи …»*.

Находя некоторую общность в образах «черных» героев Шекспира и Пушкина, неизбежно обнаруживаешь созвучие и в «колдовских мотивах» (хотя личностная направленность «колдовства» различна) поведения обоих женихов: Отелло (там намек на «колдовство» очень важен: он указывает на то, что заключенный с его дочерью брак свершился против воли – дочери и отца. И пусть раньше это самое «колдовство» никто не видел, но как иначе объяснить произошедшее? Ведь «природное отвращение», которое должна была испытывать Дездемона к Мавру, непобедимо в человеке. И потому ее отец бросает Отелло: «*Ты околдовал ее…»,* полагая, что именно колдовство стало причиной не мыслимой никем неестественной привязанности дочери к Мавру) и Ибрагима *(«Арап во время твоей болезни всех успел заворожить. Барин от него без ума, князь только им и бредит …»).*

Увы, роман Пушкина не дописан. Тем не менее, опираясь на известные истории факты жизни – и государственной, и частной – Абрама Петровича Ганнибала, можно предположить, что его литературный двойник во многих сюжетах своего бытия, и, прежде всего, в человеческих отношениях (роман с графиней D., отношение к нему в русском обществе петровского времени, трагедия – не дописанная – своей женитьбы) был в положении драматическом благодаря своей природной необычности, двойственности и неустойчивости своего положения слуги-арапа, которому покровительствовал великий русский самодержец. Даже на фоне трудного века смелых петровских новаций его статус был слишком неопределенен, а внешность слишком экзотична для полноценной интеграции в принимающее общество, которое само находилось в состоянии переходном как в плане культурном,

так и в социальном – складывания новых форм общественных связей и отношений. В отношениях русского общества с Ибрагимом изначально не было (и не могло быть) глубоких человеческих привязанностей и теплоты. Будучи одним из символов пугающих старину внешних влияний, он резко выделялся в обществе, порождая любопытство и почти суеверный страх. Судьба пушкинского героя и его прототипа, таким образом, демонстрируют, что расовые предрассудки русского общества не многим отличались от предрассудков буржуазной Франции, искушенной «черным» колониализмом. Да и последующий, почти двухвековой отечественный опыт расово-смешанных связей (в том числе брачно-семейных) показал, что структура отношений с представителями других рас, в частности, негроидной, в целом в нашем обществе сильно не изменилась. А признание общественным мнением демократических норм во многих сферах социальной действительности вовсе не означает готовность принимать эти же нормы, когда речь идет об институтах брака и семьи. Основа такого двойственного подхода выглядит ныне весьма устойчивой, и, вероятно, не претерпит существенных изменений в ближайшем будущем.

* * *

Собранные вместе бесконечно разнообразные людские судьбы и их бесчисленные переплетения ткут радужно-пестрое единое полотно человеческой жизни на земле.

«История, по Библии, – пишет в своем исследовании М. Фишбейн, – не была бессмысленным нагромождением событий, а природа – слепой силой. С точки зрения библейской религиозной идеологии возвышение и падение наций, природные явления и т.д. всегда являлись реакцией Бога … на мир, на человеческую судьбу»[47]. И если, согласно Библии, человеческие поступки действительно формируют этот мир, то библейские и литературно-исторические персонажи и их взаимоотношения – и рассмотренные нами более подробно, и лишь упомянутые – вызванные из исторической памяти человечества и зафиксированные мифологически, литературно или поэтически, лишь вновь убеждают, что

процесс инкорпорации иноплеменника столь же естествен и неизбежен для человеческой природы и выстраивания межчеловеческих отношений, сколь всегда (или почти всегда) во все времена сопровождаем как собственным дискомфортом, так и болезненными на него самого реакциями в общественном сознании, вызываемые разной степенью этнокультурной совместимости. Однако опыты этого трудного драматического пути никогда не останавливали человека из другого мира, вновь и вновь повторявшего и повторяющего во имя своих идеалов мужественный и тернистый путь чужака в иной культуре.

---

[i] *Girard P.* Le mulâtre littéraire, ou le passage au blauc // *Poliakov (Leon)* (sons la direction de). Le Couple interdit. Entretiens sur le racisme. La dialectique de l`alterize` socio-culturelle et la sexualitè. Colloque de Cerisy-la-Salle, Paris. Ed. Mouron-Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociles (EHESS). 1980. (Collection, Le Savoir Historique). P. 191.

[ii] *Гальбиати Э., Пьяцца А.* Трудные страницы Библии (Ветхий Завет). Милан-Москва, 1992. С. 42.

[iii] См.: *Halley`s* Bible Handbook. (An abbreviated Bible Commentary by *Henry H. Halley*). Toronto, World Christian Ministries, 1984. P. 40, 120–125.

[iv] См., например, монографию Н.Л. Крыловой и С.В. Прожогиной: «Смешанный брак»: Опыт межцивилизационного общения. М., 2002.

[v] См.: *Дин Э.* Знаменитые женщины Библии. М., 1995. С. 18–19, 233–234.

[vi] См.: Halley`s Bible Handbook. P. 110.

[vii] Об этом см.: Христианство. Энциклопедический словарь, М., 1994. Т. 1. С. 31.

[viii] *Дин Э.* Указ. соч. С. 20.

[ix] Знаменательно, что в Хевроне над пещерой Махпела, стоит мусульманская мечеть. Внутри мечети, над могилами Авраама и Сарры, Исаака и его потомков, находящихся внизу, в пещере воздвигнуты надгробия.

[x] См.: *Флавий Иосиф*. Иудейские древности. М., 1996. Т. 1. Гл. 10. С. 24.

[xi] В Коране Агарь – *Хаджар*, и библейский «колодезь» становится источником, забившим под ногой Измаила. Как известно, в мифологии разных народов *вода* символизирует жизненное начало. Источник под ногой Измаила – как знак нового его родоначалия.

[xii] См.: *Павловский А.* Популярный Библейский Словарь. Книга для чтения. М., 1994. С. 16–17.

[xiii] *Куприн А.И.* Собр. соч. М., 1964. Т. 5.

[xiv] *Флавий И.* Указ. соч. Т. 1. Гл. 6. С. 459.

[15] Французский исследователь Р. Мариенстрас отсылает читателя к знаменитой «Проповеди о непослушании и бунтах», написанной в 1571 г.: Marienstras R. Othello, ou l`èpoux èloigne // *Poliakov (Leon)* (sons la direction de). Le Couple interdit. Entretiens sur le racisme. La dialectique de l`alterize` socio-culturelle et la sexualite`. Colloque de Cerisy-la-Salle, mai 1977. Paris. Ed. Mouron-Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociles (EHESS) 1980 (Collection, Le Savoir Historique). P. 111.

[16] Un grand juriste anglaise: Sir Edward Coke (1552–1634) // P., Presses universitaires de France. 1975.

[17] Источником пьесы предположительно послужила Шекспиру новелла Джиральди Чинтио «Венецианский Мавр» из его сборника «Hecatommithi» («Сто рассказов») 1566 г., – 7-я новелла третьей декады // Шекспир У. Полн. собр. соч.: В 8-ми томах. М., 1960. Т. 6. С. 643–643. Здесь и далее цитаты приводятся по данному изданию в переводе Б. Пастернака.

[18] *Шекспир У.* Полн. собр. соч. в 8-ми томах. М., 1960. Т. 6. М., 1960. С. 658.

[19] Там же. С. 300.

[20] Так, в одном из эдиктов, входящих в свод «Todor Royal Proclamations» (Yab Univers. Press. 1969. Vol. III. P. 221), написано: «Древние очень боялись людей необычных, наделенных особой силой, и если встречали их на своем пути, то полагали, что это – злое предзнаменование, знак несчастья. Император Адриан, например, повстречав как-то Мавра, решил, что это – предвестие его скорой кончины. Солдаты Брута, шедшие сражаться с войском Октавия

Цезаря, повстречав на своем пути Эфиопа, сделали прогноз о своем поражении, что и случилось».

[21] Un grand juriste anglaise: Sir Edward Coke (1552-1634) // P., Presses universitaires de France. 1975.

[22] Marienstras R. Op. cit. P. 116.

[23] Подробнее см.: Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М., 1996. С. 38–41.

[24] Пушкин-критик. М., 1950. С. 412.

[25] *Girard P*. Le mulâtre littéraire, ou le passage au blauc // *Poliakov (Leon)* (sons la direction de). Le Couple interdit. Entretiens sur le racisme. La dialectique de l`alterize` socio-culturelle et la sexualite`. Colloque de Cerisy-la-Salle, mai 1977. Paris. Ed. Mouron-Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociles (EHESS) 1980 (Collection, Le Savoir Historique). P. 191.

[26] *Прожогина С.В.* Между мистралем и сирокко. Литература магрибинской диаспоры в конце XX века. М., 1998. С. 283–284; *Нитобург Э.Л.* «Черно-белые» смешанные браки в США // Советская этнография, 1989, №1; *Poliakov (Leon)* (sons la direction de). Le Couple interdit. Entretiens sur le racisme. La dialectique de l`alterize` socio-culturelle et la sexualite`. [Colloque de Cerisy-la-Salle, mai 1977. Paris. Ed.Mouron-Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociles (EHESS) 1980 (Collection, Le Savoir Historique). P. 7 и др.

[27] Подробнее см.: *Girard P.* Op. cit. P. 191.

[28] Duchet M. Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. P., 1971.

[29] См., например: *Girard P.* Le racisme. P., 1976; *Hoffmann L.F.* Le nègre romantique. Personnage littéraire et obsession collective. P., 1973.

[30] *Girard P.* Le mulâtre littéraire, ou le passage au blauc. P. 197.

[31] «Негр – это человек, у которого меньше врожденных свойств и качеств, чем у белого. Родившийся от союза белого и черного человека, он как их производное называется мулатом, жизнедеятельность которого зависит от того, какие корни его происхождения в нем преобладают, и в какой мере он использует либо одну, либо другую свою генетическую принадлежность»: Téchisme des colonies pour servir à l`instruction des habitants de la France (1971).

[32] *Stonequist E.* The marginal man. A study in personality and culture conflict. N.Y., 1961.

[33] *Poliakov (Leon)* (sons la direction de). Le Couple interdit. Entretiens sur le racisme. La dialectique de ll`alterize` socio-culturelle et la sexualite`. Preface // Colloque de Cerisy-la-Salle, mai 1977. Paris. Ed. Mouron-Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS) 1980 (Collection, Le Savoir Historique). P. 9.

[34] В социо-антропологическом исследовании М. Дюше «От черного к белому или пятое поколение», посвященном анализу расовых биологических теорий эпохи Просвещения (См.: Le Couple interdit. Entrertiens sur le racisme. La dialectique de l`alterize` socio-culturelle et la sexualite`. P. 179–190), значительное место отводится именно феномену метисности в социо-политическом контексте французского колониализма XVIII в. Так, согласно одной из них, метис, рассматриваемый с точки зрения «политической», входит в класс белых людей, но рассматриваемый с точки зрения моральной, он просто человек низкого происхождения. Но главным образом, метис – это отрицание того, что смешение кровей оставляет в каждом индивидууме что-то в наследство от тех поколений, которые предшествовали его рождению, что-то от его разных рас, какой-то росток, какое-то семя их продолжения в себе, ставшие частью его самого как производного от скрещения разных рас. Метис – ничто, его существо – просто мешанина, его раса – неопределенна, его натура – амбивалентна. Чем больше класс цветных людей увеличивается в числе, тем хуже становятся условия его существования за счет феномена нетолерантности, то есть того, что во Франции называют «реакцией знатности». Во французской колонии Сан-Доминго, в частности, это был не только конфликт рас, но классовый конфликт. Предрассудки очень часто питаются расовыми различиями, и «цветных людей», даже свободных, легче всего уязвить и за одно, и за другое. Именно в эту эпоху администрации колоний не рекомендуют «благоприятствовать ни под каким предлогом бракам между белыми мужчинами и девушками-метисками. Его Величество решительно поддерживает принцип, который разделяет навсегда цветных людей и их потомство с теми привилегиями, которыми могут пользоваться белые люди». В 1778 г. королевским советом был подписан указ, регламентирующий браки между черными мулатами и другими цветными людьми, живущими во Франции.

В Сан-Доминго белые мужчины, которые женились на негритянках, причислялись к «черным белым». Так, играя на статусе и цвете кожи одновременно, поддерживали дистанцию между двумя расами и дистанцию, разделяющую белых и свободных черных, а также белых и черных рабов.

[35] *Girard P.* Op. cit. P. 193.

[36] *Hoffman L.F.* Le negre romantique. Personnage litteraire et odsession collective. P., 1973.

[37] «Не вполне ясным представляется и вообще весь облик Ганнибала», – писал о прадеде А.С. Пушкина в биографическом очерке М.Д. Хмыров более столетия назад: Хмыров М.Д. Генерал-аншеф Авраам Петрович Ганнибал. «Арап Петра Великого» (Биографический очерк по документам) // Исторические статьи М.Д. Хмырова. СПб., 1873. Лишь недавно стало известно, например, что у Абрама Петровича был брат, Алексей Петрович, которого, также, как и Абрама, крестил Петр, и который был взят на службу гобоистом в Преображенский полк, куда был определен и пушкинский арап барабанщиком (подробнее см.: *Козлов В.* Когда родился прадед Пушкина Ганнибал? // Неделя. 1969. № 44. С. 19 – цит. по: *Фейнберг И.Л.* Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 422).

[38] Шубинский С.Н. и Благой Д.Д., ссылаясь на фамильные предания А.С. Пушкина, пишут, что его прадед был негр (*Шубинский С.Н.* Исторические очерки и рассказы. М., 1995. С. 36; *Благой Д.Д.* Абрам Петрович Ганнибал – Арап Петра Великого // Молодая гвардия. 1937. № 3). Действительно, сам Пушкин в своем поэтическом творчестве упоминает себя как «*Потомка негров безобразного»* (стих. Юрьеву, 1820*) с «арапским профилем».*

[39] *Фейнберг И.Л.* Читая тетради Пушкина. С. 454. Кроме того, нет никаких данных о том, кем была по происхождению мать А.П. Ганнибала. – Там же.

[40] *Анучин Д.М.* А.С. Пушкин. Антропологический эскиз // Русские ведомости. М., 1988. Т.Г. Цявловская замечает в своем исследовании: «Кстати, об арапских, негритянских чертах лица Пушкина. В жилах русского поэта текла африканская кровь. Он был по матери эфиопского происхождения (абиссинского, как тогда говорили)... Прадед его, Абрам Петрович (как он назван был в России) Ганни-

бал в детстве был вывезен из Абиссинии (нынешняя Эфиопия) // *Цявловская Т.Г.* Рисунки Пушкина. М., 1987. С. 340–341.

[41] Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 324.

[42] Молодая гвардия. 1937. № 3. С. 87.

[43] И в своем романе, и в рабочих, и в автобиографических материалах А.С. Пушкин настойчиво называет своего пращура негром.

[44] Оказывается, пишет И. Фейнберг, арапов, арапчат в то время было много. Абрамом назывался не один Ибрагим. Были Абрамы-арапы разные. Мало того, были Абрамы Петровичи, потому что их имел обыкновение крестить сам Петр и давал им свое имя в качестве отчества // Фейнберг И. Указ. соч. С. 454.

[45] См., например: *Гарб П.* Иммигранты из США и Канады в СССР: опыт исследования социально-культурной и бытовой адаптации // Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1990. С. 18–9; *Сенгстрок В.* Сохранение моделей социального взаимодействия в этнической группе // Диссертация. Вашингтонский университет. Сент-Луис, Миссури, 1967 и др.

[46] *Опатович С.И.* Евдокия Андреевна Ганнибал // Русская старина. 1877. Январь. После завершения бракоразводного процесса Евдокия Андреевна была отправлена в Староладожский монастырь (см. также: *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967. С. 270). О сложных отношениях между супругами Ганнибал сообщает также и Фрейнберг в указанном выше исследовании. С. 453.

[47] *Фишбейн М.* Указ. соч. С. 488.